

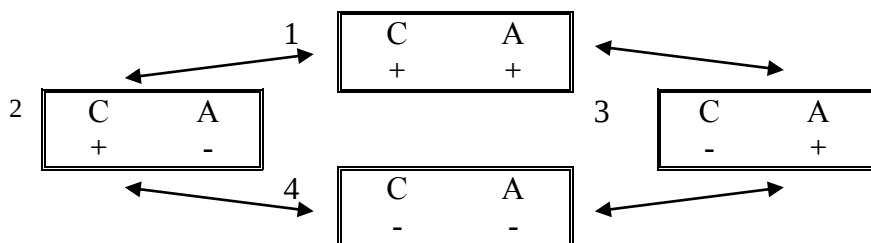
«МОРСКОЙ ЯЗЫК» В.КОНЕЦКОГО В ТЕРМИНАХ СИММЕТРИИ-АСИММЕТРИИ-ДИССИММЕТРИИ

В.А. Карпов часто перечитывал описания морских странствий замечательного ленинградского писателя, профессионального морехода Виктора Конецкого. Эта книга лежала у Владимира Александровича на больничном окошке, помогая ему бороться и быть сильным. Мне кажется, что помимо укрепления духа и веры в преодоление невзгод проза В. Конецкого была созвучна и с мыслями В.А. Карпова о симметрии.

Симметрия свойственна всей окружающей действительности в целом и языку в частности. А художественный текст отражает действительность, преломленную в сознании автора, и обладает всеми признаками языковой системы.

В авторской прозе В. Конецкого мир раскрывается сквозь призму морских странствий. И как профессионал, В. Конецкий описывает происходящее на ярком и, по его собственному выражению, «морском языке». Как соотносен «морской язык» В. Конецкого с общесистемными категориями симметрии-асимметрии-диссимметрии?

Если принимать общеупотребительную лексику как симметрию, то профессиональные слова в их противопоставлении нейтральной лексике — это асимметрия. Исходя из этого, построенная система симметрично-асимметричных отношений теоретически должна быть заполнена языковым материалом, отобранном из текста В. Конецкого.

Система симметрии представлена языковыми проявлениями на разных уровнях языка: фонетическом, лексическом, грамматическом. Это многообразные формы употребления языковых средств в нормативном аспекте. Также к симметрии можно отнести цитирование: Данте [2, с.17/1], А. Блока [2, с.157/1], И. Бунина [2, с.221/1], Р. Киплинга [2, с.120/1], В. Успенского [2, с.106/21], капитана Кусто [2, с.229/1], Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона [2, с.142/2], читательских писем, известной песни «В Кейптаунском порту» [2, с.171/2] и многих других источников.

Асимметрия, понимаемая как несовпадение элементов системы, в авторском языке В. Конецкого имеет различные проявления. Прежде всего, это специальная морская лексика, имеющая ограниченную сферу употребления: *вельбот*, *румпель*, *репитер*, *дрейф*, *пеленг*, *форштевень*, *шпангоут*, *фальшборт*, *кнехт*, *секстан*, *девиация* и т.п. Помимо «строгих» профессионализмов это и профессиональные жаргонизмы, такие как *кэп*

(капитан), *кап-три* (капитан третьего ранга), *чиф* (главный помощник капитана), *сэконд* (второй помощник), *передний топовый* (огонь на мачте), *док* (доктор), *реф* (рефрижераторный механик). Можно отметить и другие употребления иностранных слов, например, *ченч* (обмен), *эбаут* (англ. «около»), например, на вопрос: «Где мы, паренёк?» сдающий вахту штурман отвечает: «*Эбаут Америка*». И все хохочут...» [2, с.167/1].

Разнообразны именованья для рядовых членов команды, или говоря словами В. Конецкого, «особо любимое обращение друг к другу в нестрогое время». «На «Вацлаве Воровском» таким словом было «паренёк», «...на «Вытегре» все звали друг друга «организм» («На покраску корпуса надо пять организмов»). «На одном рыболовном траулере главным обращение было «сундук с клопами» («Когда этот сундук с клопами флаг спустит?»). «Часто употребляется слово «волосан». Раньше оно имело оскорбительное значение. Рыбаки... не стриглись весь рейс и возвращались в родной порт обросшие волосами, грязные и дикие. Теперь рыбаки возвращаются чистые, наглаженные, оскорбительный оттенок обращения забыт» [2, с.111/1].

В отличие от терминов, большинство профессиональных жаргонизмов омонимичны общеупотребительным словам, т.е. обнаруживают как сходство (симметрию) в форме, так и различия (асимметрию) в семантике. И это уже диссимметрия — «категория, обозначающая пространство признаков некоторого объекта-системы в интервале между симметрией и асимметрией относительно некоторых изменений» [1, с. 297].

И именно диссимметрия позволяет расширить языковое и семантическое пространство авторской речи В. Конецкого. Окружающий мир преломляется в восприятии писателя, описания наполняются новым содержанием и несут в себе дополнительную информацию.

Диссимметрия обнаруживается на всех языковых уровнях: от минимального — фонетического, до уровня построения высказываний — синтаксического.

На фонетическом уровне к диссимметрии можно отнести омонимы (хотя у них тесная связь и с лексическим уровнем языка). Например, *банка* (территория морского дна): «*банку Джорджес уже дограбливают*» [2, с. 146/1]; или «*там есть банка с глубинами около 70 метров*» [2, с. 180/2]. И *банка* в значении «часть вельбота»: «*прыгнул на банку*» [2, с. 145/1].

Это также названия судов «Достоевский», «Добролюбов» в контексте: «*Достоевский!*» «*Достоевский!*» «*Добролюбов говорит!*» и авторская ремарка: «*Здравствуй, Федор Михайлович!*» [2, с. 181/1]. И далее: «*Вся русская литература снялась с якорей*» [2, с. 186/1]. В другом описании «*трехметровая зыбь поднимала и опускала тушу честного писателя «Короленко»*» [2, с. 149/2]. К явлению омонимии относятся и наименования судов по их государственной принадлежности: *грек, израильтянин, япошка, американец*. Например: «*Зачем американец мигает?*» [2, с. 184/1] — об американском военном фрегате, подающим сигналы прожектором.

На уровне словообразования диссимметрия — это образование слов по заданной модели. Так образуются дериваты от профессиональных слов: *ошвартовались* [2, с. 11/1], *пеленговаться* [2, с. 19/1], *подвирай (трап)* [2, с. 182/1], *предотходные сутки* [2, с. 124/1], *запеленговать* [2, с. 143/2], *вельбот подрефовал* [2, с. 132/2], *парусили* [2, с. 167/2], *наветренный борт* [2, с. 127/2]. Это также лексемы, которые можно отнести к авторским окказионализмам. Например, *айсбержата* (маленькие айсберги) [2, с. 196/1], *зыбина* (от *зыбь*) [2, с. 176/2], *якоришко* [2, с. 174/2], *рысьеглазый лейтенант* [2, с. 243/1] и др.

Диссимметрия на уровне лексики обнаруживается в переосмыслении общеупотребительных слов в морском жаргоне. Так, *спички* — это мелкая рыба [2, с. 181/1], *рубашкой* водолазы называют скафандр [2, с. 91/1], *собрать клизму* значит «собрать на борту консилиум врачей» [2, с. 142/1]. Рассказывая о странностях капитанов, В. Конецкий называет такие сдвиги и странности в психике словом «бзик» (с уточнением «на морском языке» — так как «ни у Даля, ни у Ожегова такого слова нет») [2, с. 158/1]. А рассказывание морских историй называется *травлей*: «*травить байки*» [2, с. 247/1].

Диссимметризация расширяется и за счет метафор. Суда в авторском восприятии одушевляются: «*Старик «Репин»* [2, с. 130/1], «*Нерей*» *заснул до весны*» [2, с. 94/1], «*Вацлав Воровский*» *спал*» [2, с. 187/1]. Происходит одушевление и даже «очеловечивание моря» [2, с. 108/1]: «*Океан храпел и посапывал*» ([2, с. 143/1]; океан «*глядел на меня в упор злыми серыми глазами обиженного неудачей старика спортсмена*» [2, с. 170/1]; «*океан передернул морской кожей, как лошадь*» [2, с. 248/1]. Одушевляются и другие предметы: даже пишущая машинка «*Эрика*» *готова была вильнуть хвостом, если бы он у нее был*» [2, с. 146/2].

На грамматическом (морфологическом) уровне к диссимметрии относятся ненормативные грамматические формы: *штормовые погоды* [2, с. 200/1], *штурмана, груза, пеленга*: «*брать пеленга*» [2, с. 191/1]; образование формы множественного числа существительного *транспорт* в значении «судно» — *транспорта*. Это несовпадение форм рода и числа в профессиональной речи: «*Пошел все в вельбот! Пошел все за борт!*» [2, с. 132/2]. Изменение собственного имени существительного (*Латышев*) на нарицательное именование псевдоученых (*латышевы*) в истории о гибели белого кита [2, с. 180/1] демонстрирует грамматическое изменение, выраженное и в графике.

Синтаксическая диссимметрия проявляется в нестандартной сочетаемости слов. Например, «*мы снялись на Салехард*» [2, с. 23/1], «*брали с воды*» (при спасении) [2, с. 158/2]. Также к диссимметрии можно отнести такие синтаксические образования, как «*шумели моторы грузовиков и директор нашего ресторана Жора*» [2, с. 124/1], где разнородные объекты подчиняются общему сказуемому.

На уровне соединения высказываний, т.е. в тексте, выстраивается не только картина мира, но и его авторское видение: рассуждения о связях, закономерностях действительности. Какие-то явления противопоставляются, в каких-то обнаруживаются общие черты, например, *«самоубийство китов — самосожжение буддистов»* [2, с. 256/1].

Но чаще всего в окружающем мире преобладает диссимметрия, и в авторских рассуждениях сближаются явления, казалось бы, несовместимые: *«Нет побеждённых и победителей в мире»* [2, с. 64/1]; *«Нет на свете отдельно жизни и отдельно смерти. А есть что-то безнадёжно перепутавшееся между собой»* [2, с. 108/2]. Или в рассуждении о поэзии: *«Поэзия соединяет то, что кажется несоединимым»* [2, с. 51/1]. И русские как нация, по мнению В. Конецкого, «повисают» где-то посередине Европы и Азии: *«не европейцы мы и не азиаты. Признаём себя осью симметрии. Это не так уж и плохо. Симметрия — самый незыблемый закон Мира. Симметричны обеденная ложка, кристалл, человек, собака, акула и вся Вселенная, так как выяснилось, что у Мира есть Антимир»* [2, с. 121/1]. Ось симметрии и есть создающая явление диссимметрия. *«Поэтому мы стали такими сложными...»* — делает вывод автор [2, с. 121/1].

Взаимосвязь всего сущего проявляется еще и в том, что человек не уходит бесследно. Так, блокадные ленинградские дети, провалившиеся под лед Ладожского озера, *«давно уже стали этой водой»* [2, с. 26/1]. И ушедшие от нас становятся частью окружающего мира и продолжают жить в своих идеях и делах. В этом тоже заключается созидательная мощь диссимметрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпов В.А. Язык как система — Минск, 1992.
2. Конецкий В.В. За доброй надеждой. Роман-странствие: В двух книгах — М., 1997.